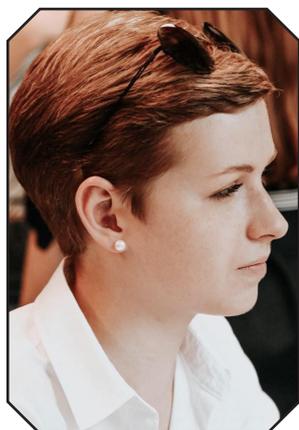

НОВЫЕ КНИГИ

Д. Р. Лебедева

Гид по рыночным инструментам государственного вмешательства и решения общественных проблем

Рецензия на книгу: Neyland D., Ehrenstein V., Milyaeva S. 2019. *Can Markets Solve Problems? An Empirical Inquiry into Neoliberalism in Action*. London: Goldsmiths Press. 324 p.

ЛЕБЕДЕВА Дарья Руслановна — студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dlebedeva@hse.ru

Возможно ли отдать экономическим механизмам решение публичных, особенно сензитивных и укоренённых в моральном порядке, проблем? Могут ли рынки эффективно и справедливо регулировать социальные дилеммы в сфере публичной политики? В течение последних нескольких десятилетий с проникновением рыночных механизмов в устройство социального порядка теоретики и практики искали способы реализации государственных вмешательств рыночными механизмами. Тогда как значительный корпус литературы критикует неолиберализм в его ограничениях и противоречиях, коллектив социологов Дэниел Нейланд, Вера Эренштейн и Света Милыева в книге «Могут ли рынки решить проблемы? Эмпирическое исследование неолиберализма в действии» («Can Markets Solve Problems? An Empirical Inquiry into Neoliberalism in Action») предлагают проблематизировать не только роль рынка в реализации государственных вмешательств, но и само определение рынка — составляющие его отношения, практики, смыслы, калькулятивные устройства. Опираясь на социальные исследования науки и технологий (science and technology studies — STS), авторы книги рекомендуют заглянуть в процессы сборки рынка и выяснить, как в ходе государственных вмешательств рыночными инструментами общественные проблемы, социальные сущности и отношения обретают форму, трансформируются и позволяют достигать определённых результатов в публичной политике.

На основе эмпирических данных масштабного этнографического исследования (то есть юридических и исторических документов, полуструктурированных интервью с экспертами, управленцами и стейкхолдерами) авторы на шести кейсах показывают, как конкуренция, инвестиции, собственность, торговля и обмен, стимулирование и продажа могут на практике не только стать инструментами государственного вмешательства, но переопределить его предмет. Книга будет интересна и полезна исследователям в области социологии рынков как источник насыщенных описаний рынков, которые представляются предметом активного государственного регулирования и становятся площадкой для символической борьбы различных рыночных акторов.

Ключевые слова: рыночные механизмы государственных вмешательств; неолиберализм; социальные исследования науки и технологий; социология рынков; калькуляция; процессы сборки рынка.

Введение

В течение последних 30 лет рыночные механизмы регулирования публичных проблем повсеместно применялись в различных социальных сферах — от здравоохранения и образования до климатических изменений и цифровой экономики [Harvey 2005; Plehwe 2009]. Большая часть дискуссий об этих рыночных инструментах государственного вмешательства ведётся с точки зрения государственной идеологии и критики непоследовательности неолиберализма, поэтому возникает необходимость более внимательно взглянуть на действия и инструменты, с помощью которых составляется и реализуется рыночное регулирование общественных проблем. Авторы рецензируемой книги Дэниел Нейланд, Вера Эренштейн и Света Миляева — преподаватели и исследователи различных университетов Великобритании — показывают несостоятельность этой критики. Они опираются на теоретические предпосылки экономической социологии [Swedberg 2005] и говорят о том, что рынок является «цивилизующим набором отношений», пронизывает все сферы и придаёт им смысл (р. 6–11).

Объяснительные схемы в книге восходят к исследованиям науки и технологий (*science and technology studies* — *STS*) и акторно-сетевой теории [Latour 2013; 2016]. Концептуализация рынка как совокупности отношений, ресурсов, политики, калькулятивных устройств [Cochoy 1998; Callon, Muniesa 2005] фундаментально важна для понимания выбранной авторами оптики и постановки проблемы исследования. Эта теоретическая рамка позволила предположить, что вместо такого единого фрейма государственных вмешательств, как неолиберализм, нужно подробно рассмотреть, что может означать рынок: для кого, когда, с участием каких групп людей, отношений, ресурсов, политики и устройств он конструируется (р. 11–23).

Итак, целью описанного в книге исследования стало пролить свет на ряд рыночных вмешательств в публичной сфере, деконструировав процессы сборки рынка (*market assembly work*) вокруг таких понятий, как конкуренция, инвестиции, собственность, торговля и обмен, стимулирование и продажа. Использованный авторами метод в основном этнографический. Книга представляет результаты длительного и масштабного эмпирического исследования; его основа — эмпирические кейсы, иллюстрирующие представленные ключевые атрибуты рыночного механизма регулирования общественных проблем. Ядро книги составляют данные, собранные в течение пяти лет полевой работы, которая включала кабинетное исследование политики, анализ юридических и исторических документов, более полутора сотен полуструктурированных интервью с политиками, управленцами, стейкхолдерами, экспертами.

Книга структурирована таким образом, что основные её главы последовательно описывают выбранные кейсы: каждая глава открывается описанием публичной проблемы; затем выводятся возникшие при реализации мер в реальной политике затруднения и обдумывается, как они могут быть интерпретированы с позиции экономической социологии. Главы сформированы по выявленным авторами шести ключевым атрибутам рынка, делающим его чувствительным к социальной динамике и потому потенциально способным регулировать социальные проблемы. Эти атрибуты названы чувствительностями рынка (*market sensibilities*) и определены как экономически выведенные принципы, идеи и практики, схватывающие сходные действия, с помощью которых осуществляются рыночные вмешательства (в качестве альтернативы простым правилам и инструкциям) (р. 17). Две заключительные главы посвящены обсуждению взаимосвязи проблем и их решений в контексте изложенных рыночных условий, а также «анализу будущего государства и самой идее прогресса, встроенной в рыночные вмешательства» (р. 32).

Следуя логике авторов, мы постараемся описать, как на практике реализуется попытка регулирования публичных проблем рыночными механизмами.

Шесть чувствительностей рынка: эмпирическое исследование рыночного решения общественных проблем

Торговля и обмен

С момента подписания в 1992 г. Киотского протокола, задача которого — регулирование экологических проблем в области изменений климата, велась работа по учреждению системы торговли парниковыми газами. Система торговли квотами (СТК) на выбросы в Европейском союзе (European Union Emissions Trading System — ETS) в совокупности стала качественно новым рыночным инструментом климатической политики. Её смысл заключается в том, что Европейский союз устанавливает максимально допустимый порог на общий объём выбросов углекислого газа (CO²), а компании должны получать разрешение на выброс каждой единицы углерода, которое можно либо купить у государства, либо у других компаний.

Таким образом, выбросы углерода становятся ограниченным ресурсом, что должно стимулировать компании и индустрии учитывать свои экстерналии и потому сокращать загрязнение. При введении схемы ожидалось, что аукцион в торговле квотами станет наиболее прозрачным механизмом регулирования выбросов углерода, так как предприятия с низкими издержками сокращения выбросов создадут избыток разрешений на продажу. В реальности же оказалось, что установление порога выбросов на национальном и европейском уровнях, а также калькуляция цен за углеродную единицу имеют ряд существенных ограничений, связанных с бюрократией и необходимостью постоянных переопределения условий работы рынка [MacKenzie 2009; Çalışkan, Callon 2010].

Через концепт *торговли и обмена* (trade and exchange) как рыночной чувствительности авторы в главе 2 показывают, что СТК может быть охарактеризована оксюмором «договорная технократия» (*negotiated technocracy*): из-за неё потенциал калькулятивной техничности системы подвергается испытаниям в виде интенсивных переговоров между политиками, управленцами, промышленными лоббистами и эко-активистами (р. 46).

Из эмпирического материала авторы выводят две ключевые проблемы деятельности углеродного рынка. Первая из них — чрезмерная выдача углеродных квот (*the surplus problem*), когда фактический уровень производства оказывается ниже предсказанного в начале периода при распределении квот, и в результате эмитенты углерода подвергаются недостаточному принуждению (р. 49). Вторая проблема, вызванная противоречивостью самого инструмента, это утечка углерода (*carbon leakage*). Данная проблема заключается в вынесении производства на территории, находящиеся вне углеродного регулирования, вне юрисдикции соглашения, в страны, где нет жёсткого климатического законодательства (р. 59). Обе проблемы иллюстрируют, как СТК, с одной стороны, призвана приблизиться к технократическим механизмам регулирования климатических проблем (в частности, имея в своей основе экономические показатели), но, с другой — постоянно нуждается в экспертных оценках для корректировки вмешательств и их «подстройки» под политические интересы стран — участниц системы торговли квотами (р. 52).

Итак, в результате создания рынка углеродных квот был сконструирован новый товар (р. 69), однако прямолинейные рыночные механизмы не справляются с регулированием его обращения. Авторы рецензируемой книги оставили за рамками анализа моральное измерение регулирования экологической проблематики рыночными механизмами (см., например: [Fourcade 2011]) и постарались показать воз-

возможности и ограничения торговли квотами на выбросы. Оказалось, что «договорная технократия» на каждом этапе усовершенствования системы требует постоянного, систематического вмешательства в рыночный механизм для установления и переопределения правил, озвучивания и обсуждения противоречий (р. 68). Авторы книги подчёркивают, что важна процессуальность переговоров; только таким образом можно понять логику принятых решений и возникающих проблем в практической имплементации спроектированных механизмов.

Конкуренция

Ещё одним центральным понятием неolibеализма, как утверждают авторы книги, является «свободная рыночная конкуренция» (р. 76). В главе 3 рассматривается *конкуренция* (competition) как механизм обеспечения экономической эффективности и анализируется кейс системы оценки качества исследований в высших учебных заведениях (The Research Excellence Framework — REF) Великобритании. Конкуренция видится управленцам и государственным деятелям как наиболее приемлемый и адекватный механизм обеспечения эффективного распределения финансирования университетов и выполняет две функции: (1) конкурентное распределение ресурсов между университетами; (2) повышение академической конкурентоспособности Великобритании на международной арене (р. 79), которая считается задачей сугубо экономической и вербализуется в терминах эффективности, а не достижения качества образования или социальной справедливости (р. 80). Из логики механизма выпадает моральная сторона образования и науки, поэтому возникает вопрос о том, почему участники рынка считают конкурентный механизм справедливым, несмотря на существующие противоречия.

Авторы утверждают, что калькуляция позиции университета в рейтинге и оценивание академического вклада в экономических терминах — это проявление неolibеральной политической логики (р. 85). Чтобы показать, почему в итоге система REF воспринимается как справедливая, авторы отходят от формальной логики формирования рейтингов и рассматривают разворачивание (*enact*) как процесс конкурентной борьбы между университетами. В этом они опираются на акторно-сетевую теорию и этнометодологию, на интервью с участниками группы REF, с экспертами по оценке воздействия и менеджерами, выделяя три ключевые практики, в которых оформляется механизм конкуренции: репрезентацию (*representation*); подотчётность (*accountability*); консенсус (*consensus*).

Практики *репрезентации* демонстрируют, что, хотя итоги REF могут быть неравными, они непременно будут справедливыми (р. 89). Речь идёт о репрезентации не только участников с определёнными социально-демографическими характеристиками (например, география, гендер, возраст) или личностными качествами (отсутствие узкого мышления или предвзятого интереса) (р. 87), но и дисциплин и университетов в рейтинге. С одной стороны, многообразие дисциплин, которые должны быть представлены, неизбежно порождает сложности, напряжения и конфликты, поскольку участники пытаются воспользоваться своим положением. Но в итоге, по убеждению авторов книги, механизм конкуренции эффективно работает вопреки такого рода напряжениям.

Эффективность обеспечивает, в частности, другой тип практик — *подотчётность*. Её отличительное свойство — анонимность и, как следствие, невозможность апелляции индивидов на результаты их рейтингования. Балльная (*scoring*) система призвана говорить от имени департаментов и репрезентировать их ценности (р. 93).

Практика *консенсуса* подводит итог репрезентации и подотчётности, обеспечивает согласованность оценок и справедливый порядок рынка (р. 97). Причём, как показывают интервью, в итоге имеют смысл не сами баллы, а их распределение относительно существующих критериев и норм (например — числа цитирований статьи и оценок других экспертов (р. 101)). Относительность калькуляций согласуется с

выбранной авторами теоретической рамкой социологии оценивания [Callon 1986], согласно которой консенсус зависит от устойчивости договорённостей и эквивалентностей.

Итак, применение рыночных механизмов требует калькуляции блага и его представления в виде линейной оценки (р. 299). Практики репрезентации, подотчётности и консенсуса также являются проявлением «договорной технократии», связывают калькулятивные практики и переговоры и, таким образом, формируют представления о справедливости системы. Кроме того, как пишут авторы рецензируемой книги, многие ограничения механизма конкуренции нейтрализуются его вкладом в национальную конкурентоспособность академии Великобритании. Впрочем, моральное измерение вопроса не снимается, в любого рода социальных проблемах всегда что-то оказывается на кону — качество окружающей среды, перспективы академических исследований или конфиденциальность личных данных индивидов, о чем идёт речь в главе 4.

Имущественные права и права собственности

Глава 4 открывается краткой историей регулирования конфиденциальности *имущественных прав и прав собственности* (property and ownership). Авторы отмечают, что долгое время вопросы частной собственности обосновывались через соблюдение приватности и запрет на нарушение личного пространства индивида [Davies 2012]. Однако такое определение слабо применимо к данным: в современном мире большая их часть имеет публичный характер, они движутся относительно свободно, могут быть монетизированы, их источник легко восстановить (р. 116) [Kitchin 2014].

Экономический рост в современности напрямую зависит от возможности монетизировать данные: их называют нефтью XXI века. Вместе с тем экономика данных (*data economy*) создаёт новые основания для неравенства, отчуждения и эксплуатации (р. 120) (см., например: [Smicek 2017]). В связи с этим остро встаёт вопрос о легальном решении вопросов собственности на данные. Ключом к регулированию конфиденциальности в контексте прав собственности, по мнению авторов книги, может стать прояснение и закрепление того, кто владеет данными, кто их контролирует и как стоит регулировать их обращение. В книге рассмотрены два возможных варианта: (1) регуляторный — через Общий регламент по защите данных (ОРЗД) в Европейском союзе (The EU General Data Protection Regulation — GDPR); (2) нерегуляторный — зарождающийся рынок конфиденциальности в США.

В США ответ на ускоренное развитие цифрового сектора экономики и эксплуатации данных для извлечения прибыли (например, в виде сбора файлов *cookie* и рекламы) конфиденциальность была обозначена Федеральной торговой комиссией (ФТК) (Federal Trade Commission — FTC) как общественная проблема. Это имело перформативный эффект, поскольку маркировало приватность как право потребителя (р. 123). Агрегированные данные становились прибыльным экономическим и политическим ресурсом, а с точки зрения экономистов, конфиденциальность, несмотря на этические аргументы против эксплуатации данных, сдерживает экономический рост. Авторы задаются вопросом: «Мог ли консьюмеризм создать рынок для конфиденциальности?» (р. 124) — и обсуждают рынок продуктов контроля приватности (например, трекеров данных и калькуляторов их стоимости).

Рыночным решением вопроса собственности на данные (*data ownership*) стало создание хранилищ: пользователи, добровольно отдавая свои данные, позволяют применять их за плату в разрешённых масштабах и целях. Хранилища, таким образом, становились медиаторами между потребителем и рыночными игроками, создавая возможности эквивалентного обмена (что дискурсивно подчёркивается в интервью с разработчиками таких хранилищ данных). Так, конфиденциальность трансформировалась в ответственность потребителя, монетизируемый продукт, контроль над которым всё же остаётся у индивида. Новая форма отношений прав собственности стимулировала сдвиг в понимании предмета регулирования — от вторжения в данные к контролю над ними (р. 129).

В Европейском союзе, в отличие от США, уже упоминавшемся постановлением «Об Общем регламенте по защите данных» (General Data Protection Regulation — GDPR) был сделан выбор в пользу масштабного регуляторного механизма решения о возвращении пользователям контроля над их данными. Экспертные интервью показывают, что новое законодательство изменило «ландшафт данных» (р. 130) и вызвало активный протест среди рыночных игроков, бескомпромиссно увидевших во вмешательстве ограничение экономического роста. Подчёркивая, что «конфиденциальность данных — это фундаментальное право, а не торговый барьер» (р. 130), законодатели тем не менее были вынуждены провести масштабную работу по легитимации закона и встраиванию его в стандарты рынка таким образом, чтобы его реализация не препятствовала свободным потокам данных и деятельности отрасли.

Результатом оптимального совмещения законодательного регулирования и интересов рыночных игроков оказалось, во-первых, снятие национальных барьеров и обеспечение единого европейского рынка данных и, во-вторых, переопределение терминов, когда «вмешательство» было заменено на «контролируемое обращение» (р. 135). После долгих обсуждений наиболее удачной была признана формулировка «право на распространение данных» (*the right to data portability*), что закрепило за субъектом данных контроль над ними (р. 139).

Подводя итог главы 4, авторы подчёркивают, что, как и в предыдущих кейсах, сам предмет обсуждений оказывается вовлечённым в совокупность новых экономических отношений и приобретает новые коннотации. Регулирование обращения с личными данными переопределило само понимание конфиденциальности, возможности идентификации автора, владельца и контролёра данных. Конфиденциальность стала пониматься не в терминах защиты от вмешательства, а как предмет контроля самого субъекта. Отметим, что в обоих рассмотренных вариантах решения проблемы был необходим активный субъект, использующий свои права, заинтересованный в контроле над ними и в личной ответственности. В таком механизме управления можно увидеть производство неолиберального субъекта, однако эта респонсибилизация гражданина [Davies 2017] осталась за рамками обсуждения книги.

«Договорная технократия» также даёт о себе знать запутанными обсуждениями, лоббированием, претензиями относительно положительных и отрицательных характеристик законодательства и необходимостью вмешательства (р. 141). Однако в данном кейсе в фокусе находятся индивид и его потребительский выбор, а законодательство в большей мере акцентирует правовые, а не монетарные обоснования. Вместе с тем, как мы увидим далее, микроуровень анализа не гарантирует внимание к субъекту регулирования и его внутренним интересам.

Инвестиции и прибыльность капиталовложений

В главе 5 авторы используют такую чувствительность рынка, как отношения *инвестиций и прибыли* (investment and return), для рассмотрения механизма облигаций социального воздействия (ОСВ) (Social Impact Bonds — SIB), а именно — инициированных Советом графства Эссекс в Англии облигаций социального воздействия для детей, рискующих попасть под опеку [PIRU 2015]. Проект был запущен в 2010 г. для того, чтобы предоставить психотерапию детям, находящимся в ситуации риска отправки в интернаты, находящиеся в ведении Совета графства.

ОСВ использовались в Великобритании с 1970-х гг. и особенно активно во время кризиса 2008 г.; представляют собой способ частично переложить затраты с государства на частных инвесторов, привлекая которых государство обязуется по итогам вмешательства возместить расходы и выплатить фиксированный процент прибыли, зависящий от степени решения проблемы (если были достигнуты низкие результаты, то инвесторы не получают даже затраченную сумму). Таким образом, «неразрешимая социальная проблема становится активом» [Birch 2017], способом совместить частные средства и ин-

новативное мышление с жёсткой бюджетной экономией, тем самым сделав возможным сокращение правительственных трат (р. 160–161). Но, чтобы этот инструмент сработал, требуется чёткая финансово-договорная структура, обеспечивающая инвесторам достаточную защищённость с точки зрения их рисков. Значительная часть этой защищённости зависит от времени (*timing*): сколько денег будет вложено и когда, какова будет прибыль, с каких средств и в какое время её выплатят.

Авторы книги утверждают: то, что покупается и продаётся, это не только финансовая отдача, но и лучшее воображаемое будущее для детей и возможность для инвесторов продвигать свою положительную роль в мире, то есть потенциально облигации становятся «невидимым сердцем рынка» (р. 161).

Однако за позитивными ожиданиями от вмешательства, как оказалось, скрываются существенные ограничения. Для их выявления использованы теоретические и методологические предпосылки акторно-сетевой теории и социологии оценивания [Chiapello 2015; Doganova, Muniesa 2015]. Авторы подробно рассматривают, с помощью каких практик, калькулятивных устройств и социальных отношений реализуется механизм облигаций, как выстраивается его ориентированность на будущее, обеспечиваются гарантии определённости и стабильности для инвесторов.

Во-первых, как видно из других кейсов, рассмотренных в рецензируемой книге, рыночные формы решения общественных проблем требуют для их реализации значительной бюрократической инфраструктуры (р. 166).

Во-вторых, механизм пронизан асимметрией в выработке договорённостей и калькуляции в оценках инвестиций и прибыли, рисков и уверенности в потенциальной прибыли. Инвесторы, стремясь снизить и предсказать собственные риски (поскольку их прибыль напрямую зависит от успеха программы), отстаивали свой финансовый интерес, поэтому была выработана договорённость о том, что мерой успеха вмешательства и, следовательно, основанием для выплаты прибыли станет число предотвращённых для детей дней опеки (р. 173–181). Такое соглашение вызвало две сложности для законодателей: (1) зависимость прибыли инвесторов от числа детей, не попавших в терапию, стало «извращённым стимулом» (р. 174), поскольку в некоторых случаях детей стоило отправить на терапию, но инвесторы не принимали это во внимание; (2) власти были вынуждены выплачивать инвесторам процент прибыли ещё до получения реальных средств (сэкономленных денег).

Итак, авторы приходят к выводу, что контрактные отношения ОСВ ориентированы на будущее и выстраиваются вокруг категории предусмотрительности (*providence*). Это обеспечило соблюдение договорённостей (в том числе для достижения целей вмешательства), закрепило отношения между акторами, практически гарантировало инвесторам прибыль и возможность продвигать свою просоциальную роль. Вместе с тем предусмотрительность оказалась распределена неравномерно: она была более выгодна для инвесторов, но её эффективность и результативность (*efficiency and effectiveness*) для управленцев осталась дискуссионной (р. 176–181).

Авторы книги подытоживают, что жёстко структурированные отношения ОСВ закрепили неравное распределение переговорных возможностей и будущих исходов акторов, причём это неравенство стало договорным обязательством. Под вопросом оказывается тезис об ОСВ как новой форме активов [Chiapello 2015], поскольку в данном случае такие центральные компоненты инвестиционного рынка, как ликвидность, дисконтирование денежных потоков и рискованность, не соблюдаются (р. 182–183).

Более того, кейс заслуживает критики с позиции способности механизма стать «невидимым сердцем рынка»: в обсуждениях инвесторами рисков и прибыли субъект воздействия практически отсутствует и подменяется финансовыми показателями.

Стимулирование

В главе 6 авторы книги продолжают рассуждения о темпоральности рыночного регулирования общественных проблем, однако переходят к не принудительным мерам и рассматривают доступ к здравоохранению, а именно — к пневмококковым вакцинам, в странах с низким уровнем дохода. Ключевая чувствительность рынка — *стимулирование* (*incentive*) — рассмотрена на примере механизма авансовых рыночных обязательств (*advance market commitment* — АМС).

Стремясь обеспечить физическое и ментальное благополучие населения как одну из главных целей международного сотрудничества и финансовых потоков, идущих от развитых государств к развивающимся (р. 189), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) столкнулась с затруднениями стимулирования частных инвесторов, связанных с участием в разработке, закупке и распространении вакцин. Хотя частные партнёрства (например, Фонд Билла и Мелинды Гейтс), как ожидалось, эффективнее тяжёловесных бюрократических аппаратов ВОЗ, возникали сложности с предоставлением гарантий инвесторам.

Авторы книги показывают, как в ходе взаимодействия ВОЗ, ЮНИСЕФ, Глобального альянса по вакцинам и иммунизации (*Global Alliance for Vaccines and Immunisation* — GAVI) был буквально создан и оформлен рынок пневмококковых вакцин (р. 197). Впрочем, механизм стимулирования оказался не сугубо рыночным, а совместил социальные интересы управленцев (ВОЗ, ЮНИСЕФ) с механизмами рынка, регулируемым «на расстоянии вытянутой руки» (р. 189).

Подробно описывая роль каждого из акторов в этом альянсе государств, частных и правительственных организаций, доноров, авторы отмечают, что основная сложность в работе механизма вытекала из представлений инвесторов о рисках. Как правило, они не готовы вкладываться в новые вакцины, которые долго остаются недоступными массовому населению или не пользуются спросом из-за высоких цен. И поэтому задачей управленцев стало консолидировать рациональности международных организаций и частных инвесторов, договориться о контроле над ценой вакцин, чтобы она оставалась на уровне себестоимости или была немного выше (р. 191–198).

Итак, на материалах интервью с экспертами авторы книги реконструируют весь переговорный процесс и показывают обоснования принятых решений. Требовалось перефреймировать вакцину и связанный с её производством риск для доноров таким образом, чтобы они были готовы заранее инвестировать в производство, до закупки и вакцинирования. В данном случае вакцина позиционировалась как технологическая инновация с рыночными перспективами (р. 192). Оказалось, что вмешательство в наибольшей степени связано с подготовкой к самим рыночным транзакциям по производству и распределению вакцин; эту подготовительную работу авторы называют финансовой дипломатией (р. 198–204). Прогноз глобального воздействия вакцинации, расчёт цен на вакцины, формализация условий оплаты, прогнозирование спроса, представленного низким уровнем доходов, и даже выбор конкретной вакцины стали предметом длительных обсуждений, связанных не столько с гуманитарными аргументами, сколько с соотношением выгод и рисков (*a low-risk, high-gain investment*) (р. 204–209).

Таким образом, на примере механизма авансовых рыночных обязательств мы видим, что стимулирование как рыночная практика не сводится к абстрактному экономическому теоретизированию, а требует подготовительной работы всех акторов: цены должны быть согласованы и обоснованы, спрос стимулирован, несоответствия во времени ожидания прибыли от инвестиций преодолены с помощью юридических обязательств. Применяемые калькулятивные устройства, практики и выстраиваемые отношения имеют центральное значение в достижении инвесторами своих целей и вместе с тем в решении общественной проблемы. Постоянные обсуждения позволяют реконструировать динамику рыночной

власти и распределения политического капитала (сами авторы называют это политическим капиталом доноров (р. 205)), которые эмпирически проявляются в возможности обсуждать и отстаивать свои интересы, настаивать на тех или иных метриках калькуляции прибыли и риска (р. 193–209).

Продажа

В главе 7 авторы рассматривают последнюю выделенную ими чувствительность рынка — *продажу* (selling), выбрав кейс студенческих кредитов на высшее образование в Великобритании. Для этого снова предлагается деконструировать практики, калькулятивные устройства и отношения, участвующие в осуществлении вмешательства [Callon, Meadel, Rabehariosa 2002; Cochoy 2010], и показать, как по мере применения рыночных механизмов к решению общественных проблем меняются сам предмет регулирования, его концептуализация и обоснование ценности (р. 225–228).

Авторы пишут, что подготовка блага является ключевой практикой, предвосхищающей саму транзакцию (р. 226–231). Они называют это требование рынка императивом подготовки (*preparatory imperative*): между заключением договорённостей и продажей возникает ряд дополнительных обязательств, которые акторы должны выполнять. Это могут быть юридические требования (например, соответствие этой продажи стандартам) и возникающие в процессе новые безусловные к исполнению действия. Таким образом, оказывается, что решение общественных проблем нельзя полностью отдать силам рынка, оно требует подготовительной работы по формированию социально-политической почвы для вмешательства, обсуждения и легитимации цен, а затем и для постоянного контроля.

В связи с экономическим кризисом 2008 г. правительство Великобритании искало способ сократить государственные расходы и перенести их на частных акторов, в том числе — в сфере высшего образования (р. 226–235). В фокусе рассмотрения находятся две волны студенческого кредитования — 1998 г. и 2017–2018 гг. Изначально кредит был предназначен только для покрытия стоимости жизни студентов, частично заменяя ссуды на содержание, не задумываясь как средство для покрытия стоимости обучения, что было введено намного позже. При сравнении двух волн становится понятно, как подготовительная работа для продажи кредитов эволюционирует вслед за изменением политического климата (р. 236). Подводя итог сравнительного анализа двух продаж студенческих кредитов, авторы показывают попытку управленцев переопределить частный долг как актив, который можно продать и монетизировать.

Студенты также покупали не сам кредит, а набор связанных с ним обязательств. Университеты выступали в этом случае посредниками, поскольку не были автономными в принятии решения о размере, стоимости и условиях кредита. В итоге все акторы были подчинены государственным институтам и их требованиям. Студенческие займы теперь не имели форму ипотечного кредита, выплачиваемого после выпуска фиксированными суммами (*mortgage loan*), а стали пропорциональными доходу студентов (*income-contingent loan*), что позволило управленцам быстрее получать прибыль от кредита. В то же время кредитный механизм стал сопряжён с последующими неопределённостями об ожидаемом размере возврата кредита. Неопределённость будущего решалась позиционированием кредита как инвестиции в перспективы заработка человека и справедливого принципа получения высшего образования (р. 244–247).

Таким образом, реализации неолиберального механизма, как указывают авторы книги, предшествует определённое фреймирование проблемы, последовательное воспитание политической культуры личной и корпоративной ответственности за максимизацию эффективности использования ресурсов, за издержки и достижение социального вклада (р. 230–231). Как и в предыдущих кейсах, рассмотренных в книге, здесь проявляется темпоральность проблемы. Но если в предыдущих главах фокус внимания

авторов находился на будущем и его конструировании, то в случае студенческих кредитов ведущую роль играет прошлое — как оно определило текущие решения, как оно само переосмысливается в ходе реализации вмешательства (р. 226). На наш взгляд, это также указывает на необходимость определённого субъекта для рыночного решения общественных проблем, однако авторы снова обходят этот сюжет.

Итак, продажа образовательного кредита требует ряда новых калькулятивных устройств (показателей, формул), практик и социальных отношений, а итоговая справедливая цена остаётся тайной до тех пор, пока сделка не совершена. Ключевая задача участников рынка заключается в постоянном встраивании условий вмешательства как в прошлые политические контексты, так и в будущее, связанные с ожиданиями прибыли от кредитных выплат и снижением нагрузки на государственный бюджет. И хотя студенческие кредиты были переклассифицированы из прямых расходов государства в актив, то есть источник будущих доходов государства, возникли новые проблемы, связанные с маркетингом образования и превращением студентов в потребителей (р. 255). Авторы называют это последним актом продолжающейся драмы государственного финансирования высшего образования в Великобритании (особенно в условиях быстрого роста числа студентов).

Обсуждение

Две последние главы рецензируемой книги посвящены обсуждению кейсов, осмыслению эмпирических результатов и поиску ответа на вопрос: «Могут ли рынки решить проблемы?». Авторы суммируют основные закономерности кейсов, особенности рыночного решения общественных проблем, уделяя внимание как общим чертам механизма, так и его полярным проявлениям в кейсах. В процессе регулирования конкретной проблемы меняется всё поле, буквально трансформируется предмет, пересобираются отношения между агентами. Управленцы, заинтересованные рыночные акторы и аналитики отчасти конструируют и переопределяют, что является проблемой и решением [Woolgar, Pawluch 1985].

Авторы избегают чёткого ответа на вопрос о возможностях и способах рынка решать проблемы, вместо этого дают дорожную карту анализа и предлагают ключевые понятия, в которых стоит обсуждать проблемы и решения. Такой подход не только является, по их мнению, более глубоким, но и спасает от установки на радикальный технофундаментализм и от одержимости регуляторными решениями (*solutionism*) о возможности унифицированно и механистично выбирать между дилеммами социальной политики.

Именно в заключительных главах (а не априорно на входе в исследование) из эмпирического материала (а не из официальных формулировок) выводится ключевое свойство общественных проблем — соотнесённость с ожидаемыми результатами, которая и наполняет их смыслом. Как показали кейсы, в ходе вмешательства происходит постоянное движение между проблемой и решением, рекурсивное (пере)определение ситуации в зависимости от возникающих сложностей и вопросов, фреймирование принимаемых решений как способов регулирования, приемлемых для всех вовлечённых агентов, а в пределе — для самого предмета вмешательства. По убеждению авторов, необходимо связывать (*couple*) проблемы и решения, чтобы они адекватно отвечали друг другу, не были искусственными и устаревшими в текущих социальных и институциональных условиях. Для этого, во-первых, в идеале решение должно стать институционализированным примером (*exemplar*) публичной политики (р. 269–272). Во-вторых, необходимо выдвигать гипотезу об ожидаемых целях и средствах, наносить на карту экстерналии, заинтересованные группы, позиции и отношения (р. 273). Такой подход картографирования [Callon 2009] авторы называют диалогической демократией (*dialogic democracy*). Подчёркивается, что, поскольку на вопросы публичной политики нет единственно верного и постоянно актуального ответа, фокальной точкой в диалоге о том, как артикулировать проблему и решение, является вовлечён-

ность всех заинтересованных акторов (р. 272–279). В-третьих, важно переспецифицировать проблему по мере её решения, что, как продемонстрировали кейсы, далеко не всегда удаётся: акторы обладают разной переговорной властью, связаны контрактными обязательствами (которые становятся не решением, как задумывалось, а новым витком развития ситуации) или вовсе не имеют голоса (р. 276–284).

Итак, на смену разрешению приходит серия рекурсивных циклов между проблемами и решениями, а все вовлечённые акторы проделывают работу по обоснованию применяемых инструментов политики (р. 292–294). Эта связка становится подтверждением, что вмешательство ориентировано на будущее и может привести к успеху политики. Как показывают авторы, вообще идея решения публичных проблем и внедрения для этого рыночных механизмов укоренена в представлениях о будущем — в ожиданиях фундаментальных изменений в результате вмешательства, беспокойстве государства за своё будущее и обеспечении прогресса (р. 297–300).

Все кейсы переключаются тем, что сущности вмешательства (например, эффективность научной работы, социальная поддержка детей, борьба с климатическими изменениями) должны быть калькулируемы, для чего представлены в виде дихотомий [Callon, Muniesa 2005]. И хотя различные калькулятивные практики позволяют оценить успех вмешательства [Lazzarato 2009] и выстроить линейную связь от «негативного прошлого к более позитивному будущему» [Latour 2013; 2016], это упрощает социальную реальность и, соответственно — релевантность и манёвренность вмешательств (р. 300). Более того, присущие модерну линейность развития, дихотомия «проблема — решение» и идея прогресса оказываются иллюзией, временно актуальной лишь как теоретический конструкт (р. 313). Обсуждая различные методы калькуляции успеха вмешательства в кейсах, авторы предлагают внедрять качественные методы, которые говорили бы о вкладе инструментов в прогресс (р. 298–313).

Заключение

Целью книги было рассмотреть не конкретные общественные проблемы, представленные в кейсах (хотя сам по себе выбор сфер кажется в высшей степени интересным), а детально реконструировать, как разворачивается логика их решения через рыночные отношения, ресурсы, калькулятивные устройства, перемещаясь между частными проявлениями вмешательств и общими паттернами социальной политики в контексте неолиберализма.

Ключевая идея авторов может быть резюмирована следующим образом: проблему и её решение необходимо рассматривать в сцепке друг с другом (*a problem-solution coupling*). Регулирование публичных проблем процессуально: оно постоянно обсуждается и (пере)определяется, а дилеммы одного рынка невозможно разрешить в отрыве от других. Также необходимо принимать во внимание, как обозначены на старте и как изменяются обстоятельства, интересы и аргументы вовлечённых акторов (здесь кажется возможным применить теорию обоснования ценности, хотя авторы не говорят об этом), поскольку они проделывают постоянную работу по калькуляции и легитимации инструмента. На наш взгляд, представление общественных проблем как полей [Fligstein, McAdam 2012] позволяет авторам книги работать с поставленной в логике «в чём аналитически несостоятельны экономисты?» проблемой всего исследования.

Таким образом, задача авторов книги состоит не в том, чтобы дать однозначный ответ на исследовательский вопрос в виде рецепта решения общественных проблем, а в том, чтобы пересобрать механику применения рыночных инструментов. Это и является, на наш взгляд, сильной стороной книги, поскольку в каждой главе показана не просто финальная точка в решении проблемы, но и развернуто описываются процессы переговоров, промежуточные решения, мотивы использования одних практик и отказа от других. Все описания подкреплены цитатами из эмпирического материала. В выводах по-

казано, как соотносятся между главами применяемые рыночные инструменты. В итоге складывается единая линия рассуждений о том, как из политической идеологии вырастают те или иные инструменты социально-экономической политики, в чём проявляется прикладная направленность книги: кейсы выступают примерами для выработки более общих закономерностей публичной политики; именно этот интерес не раз акцентируют и сами авторы.

По ходу чтения складывается впечатление, что в авторском коллективе борются теоретики и практики, поэтому на протяжении основных глав наблюдается дисбаланс в теоретическом обсуждении результатов. Кроме того, подробность описания кейсов в начале глав неравномерна: кажется, что некоторые из них требуют от читателя знания основных экономических понятий и моделей, а также основных акторов и политических предпосылок проблемы. Вместе с тем в целом теоретическая фундированность работы в традиции экономической социологии впечатляет. Теоретическая основа тщательно проработана авторами и очень важна, поскольку определяет фокус внимания исследователей и варианты интерпретации эмпирических результатов.

Книга была довольно доброжелательно принята научным сообществом. Эксперты называют работу авторов «аккуратной» и «проницательной», отмечают практическую значимость предлагаемой альтернативной перспективы на рыночные процессы в управлении [The MIT Press 2022]. Рецензенты полагают, что книга выдерживает баланс в применении специфичной терминологии и общих понятий социологии и экономики, между теоретической фундированностью и перспективами прикладного использования идей. Справедливо отмечается, что прагматический поворот, составляющий теоретическую основу книги, содержит склонность к деполитизации социальной реальности и представляет её в виде набора фреймов финансов, капиталов и других экономических сущностей. Авторы книги сумели избежать этой ловушки и сохранили стоящее за проблемами политическое напряжение, что является одной из причин, по которым академическое сообщество признало книгу успешной.

В целом книга может быть интересна как для общего понимания социологического анализа публичной политики, так и для исследования конкретных тем, созвучных с кейсами и способами их аналитического препарирования. Предложенные авторами чувствительности рынка приобретали особую форму в рамках каждого рыночного вмешательства и подвергались изменениям и реформам с течением времени, но сохраняли достаточную согласованность для совместного анализа. При этом стоит отметить, что в каждом рассмотренном кейсе встречается несколько чувствительностей рынка, вокруг которых построен анализ, и выбор авторами центрального концепта в каждой главе является обоснованным, но тем не менее не единственно верным решением. Вероятно, при другой концептуализации эмпирические результаты и логика изложения выстроились бы иначе (р. 264–265). В заключении авторы указывают на несостоятельность анализа каждого кейса с позиции только одной выбранной чувствительности рынка, обозначая перспективные, на их взгляд, направления дальнейших исследований. Ими могут быть, например, «договорная технократия», неравные шансы на конкуренцию, предусмотрительность инвестиций или финансовая дипломатия. Читателю предлагается взять любой из кейсов и применить методологические и теоретические основания книги к обозначенным слабым местам. Для обеспечения внутренней валидности выводов авторы фокусируются на США, Великобритании и Европейском союзе, но не менее интересным и продуктивным разворотом кажется рассмотрение проблемы и в другом социально-культурном контексте.

Литература

- Birch K. 2017. Rethinking Value in the Bio-Economy: Finance, Assetization, and the Management of Value. *Science, Technology & Human Values*. 42 (3): 460–490.
- Callon M. 1986. The Scallops of St. Brieuc Bay. Some Elements of a Sociology of Translation. In: Law J. (ed.). *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* London: Routledge; 196–233.
- Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. 2009. *Acting in an Uncertain World: An Essay on Technical Democracy*. Boston: MIT Press.
- Callon M., Meadel C., Rabeharisoa V. 2002. The Economy of Qualities. *Economy and Society*. 31 (2): 194–217.
- Callon M., Muniesa F. 2005. Economic Markets as Calculative Collective Devices. *Organization Studies*. 26 (8): 1229–1250.
- Çalışkan K., Callon M. 2010. Economization, Part 2: A Research Programme for the Study of Markets. *Economy and Society*. 39 (1): 1–32.
- Chiapello E. 2015. Financialisation of Valuation. *Human Studies*. 38 (1): 13–35.
- Cochoy F. 1998. Another Discipline for the Market Economy: Marketing as a Performative Knowledge and Know-How for Capitalism. In: Callon M. (ed.). *The Laws of the Market*. Oxford: Blackwell; 194–221.
- Cochoy F. 2010. Reconnecting Marketing to «Market-Things». In: Araujo L., Finch J., Kjellberg H. (eds). *Reconnecting Marketing to Markets*. Oxford: Oxford University Press; 29–49.
- Davies W. 2012. Ways of Owing: Towards an Economic Sociology of Privatisation. *Poetics*. 49 (2): 167–184.
- Davies W. 2017. *The Limits of Neoliberalism*. London: SAGE.
- Doganova L., Muniesa F. 2015. Capitalization Devices: Business Models and the Renewal of Markets. In: Knornberger M. et al. (eds) *Making Things Valuable*. Oxford: Oxford University Press; 109–125.
- Fligstein N., McAdam D. 2012. *A Theory of Fields*. Oxford: Oxford University Press.
- Harvey D. 2005. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Kitchin R. 2014. *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*. London: SAGE.
- Latour B. 2013. *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. 2016. *Reset Modernity!* Cambridge, MA: MIT Press.
- Lazzarato M. 2009. Neoliberalism in Action: Inequality, Insecurity and the Reconstitution of the Social. *Theory, Culture and Society*. 26 (6): 109–133.

- MacKenzie D. 2009. *Material Markets: How Economic Agents are Constructed*. Oxford: Oxford University Press.
- PIRU. 2015. *An Evaluation of Social Impact Bonds in Health and Social Care*. URL: www.piru.ac.uk/assets/files/Trailblazer%20SIBs%20interim%20report%20March%202015,%20for%20publication%20on%20PIRU%20site%20april%20amended.pdf
- Plehwe D. 2009. Introduction. In: Mirowski P., Plehwe D. (eds) *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1–42.
- Srnicek N. 2017. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity.
- Swedberg R. 2005. Towards an Economic Sociology of Capitalism. *L'Année Sociologique*. 55 (2): 419–450.
- The MIT Press. 2022. *Can Markets Solve Problems?* URL: <https://mitpress.mit.edu/books/can-markets-solve-problems>
- Woolgar S., Pawluch D. 1985. Ontological Gerrymandering: The Anatomy of Social Problems Explanations. *Social Problems*. 32 (3): 214–227.

NEW BOOKS

Daria Lebedeva

A Guide for Market-Based Interventions and Public Problems

Book Review: Neyland D., Ehrenstein V., Milyaeva S. (2019) *Can Markets Solve Problems? An Empirical Inquiry into Neoliberalism in Action*, London: Goldsmiths Press. 324 p.

LEBEDEVA, Daria —
MA student in Sociology;
Research assistant at
Laboratory for Studies
in Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000, Russian
Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

Abstract

Is it possible to apply economic mechanisms to solve public problems, especially sensitive and morally rooted ones? Can markets effectively and fairly regulate social issues in the public policy field? During the last several decades, with the spread of market mechanisms in the social order, theoreticians and practitioners have been searching for market-based interventions. While a significant body of literature criticizes neoliberalism for its limitations and contradictions, the collective of the sociologists Daniel Neyland, Véra Ehrenstein, and Sveta Milyaeva suggest in their book *Can Markets Solve Problems? An Empirical Study of Neoliberalism in Action* problematizing not only the role of the market

in the implementation of government interventions but also the very definition of the market—its constituent relationships, practices, meanings, and calculative devices. Drawing on science and technology studies (STS), the authors propose looking behind the processes of market assembly work and investigating how in the course of market-based interventions social problems, entities, and relationships are shaped, transformed, and allow the achievement of certain results in public policy.

Based on the empirical materials of an extensive ethnographic study (legal and historical documents and semi-structured interviews with experts, managers, and stakeholders), the authors use six empirical cases to illustrate how competition, investment and return, property, trade and exchange, incentives, and selling can, in practice, not only become instruments of market-based intervention but also shape and redefine the subject matter itself. The book will be of interest and beneficial to researchers in the field of sociology of markets as a source of rich descriptions of markets, which generally constitute a subject of active government regulation and which become a platform for the symbolic struggle of various market actors.

Keywords: market-based interventions; neoliberalism; science and technology studies; sociology of markets; calculation; market assembly work.

References

- Birch K. (2017) Rethinking Value in the Bio-Economy: Finance, Assetization, and the Management of Value. *Technology & Human Values*, vol. 42, no 3, pp. 460–490.
- Callon M. (1986) The Scallops of St. Brieuc Bay. Some Elements of a Sociology of Translation. *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* (ed. J. Law), London: Routledge; 196–233.
- Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. (2009) *Acting in an Uncertain World: An Essay on Technical Democracy*, Boston: MIT Press.

- Callon M., Meadel C., Rabehariosa V. (2002) The Economy of Qualities. *Economy and Society*, vol. 31, no 2, pp. 194–217.
- Callon M., Muniesa F. (2005) Economic Markets as Calculative Collective Devices. *Organization Studies*, vol. 26, no 8, pp. 1229–1250.
- Çalışkan K., Callon M. (2010) Economization, Part 2: A Research Programme for the Study of Markets. *Economy and Society*, vol. 39, no 1, pp. 1–32.
- Chiapello E. (2015) Financialisation of Valuation. *Human Studies*, vol. 38, no 1, pp. 13–35.
- Cochoy F. (1998) Another discipline for the market economy: Marketing as a performative knowledge and know-how for capitalism. In: M. (ed.). *The Laws of the Market* (ed. M. Callon), Oxford: Blackwell, pp. 194–221.
- Cochoy F. (2010) Reconnecting Marketing to “Market-Things”. In: *Reconnecting Marketing to Markets* (eds. L. Araujo, J. Finch, H. Kjellberg), Oxford: Oxford University Press, pp. 29–49.
- Davies W. (2012) Ways of Owing: Towards an Economic Sociology of Privatisation. *Poetics*, vol. 49, no 2, pp. 167–184.
- Davies W. (2017) *The Limits of Neoliberalism*, London: SAGE.
- Doganova L., Muniesa F. (2015) Capitalization Devices: Business Models and the Renewal of Markets. *Making Things Valuable* (eds. M. Knornberger, L. Justesen, A. Madsen, J. Mouritsen), Oxford: Oxford University Press, pp. 109–125.
- Fligstein N., McAdam D. (2012) *A Theory of Fields*, Oxford University Press.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Kitchin R. (2014) *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*, London: SAGE.
- Latour B. (2013). *An Inquiry into Modes of Existence*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. (2016) *Reset Modernity!* Cambridge, MA: MIT Press.
- Lazzarato M. (2009) Neoliberalism in Action: Inequality, Insecurity and the Reconstitution of the Social. *Theory, Culture and Society*, vol. 26, no 6, pp. 109–133.
- MacKenzie D. (2009) *Material Markets: How Economic Agents are Constructed*, Oxford: Oxford University Press.
- PIRU (2015) *An Evaluation of Social Impact Bonds in Health and Social Care*. Available at: www.piru.ac.uk/assets/files/Trailblazer%20SIBs%20interim%20report%20March%202015,%20for%20publication%20on%20PIRU%20siteapril%20amendedpdf11may.pdf (accessed 14 January 2022).

Plehwe D. (2009) Introduction. *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective* (eds. P. Mirowski, D. Plehwe), Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 1–42.

Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*, Cambridge: Polity.

Swedberg R. (2005) Towards an Economic Sociology of Capitalism. *L'Annee Sociologique*, vol. 55, no 2, pp. 419–450.

The MIT Press (2022) *Can Markets Solve Problems?* Available at: <https://mitpress.mit.edu/books/can-markets-solve-problems> (accessed 14 January 2022).

Woolgar S., Pawluch D. (1985) Ontological Gerrymandering: The Anatomy of Social Problems Explanations. *Social Problems*, vol. 32, no 3, pp. 214–227.

Received: January 8, 2022

Citation: Lebedeva D. (2022) Gid po rynochnym instrumentam gosudarstvennogo vmeshatel'stva i resheniya obshchestvennykh problem [A Guide for Market-Based Interventions and Public Problems. Book review on Neyland D., Ehrenstein V., Milyaeva S. (2019) *Can Markets Solve Problems? An Empirical Inquiry into Neoliberalism in Action*, London: Goldsmiths Press. 324 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 154–170. doi: [10.17323/1726-3247-2022-1-154-170](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-154-170) (in Russian).